

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТУЧИНА

РАССКАЗ

Если вам сорок с чем-то и вас покинул муж, едва ли вам будет приятно посвящать посторонних в свои невзгоды. Моё намерение посетить дом на окраине города, в унылом районе под названием Новый Перлах, не вызвало восторга. Я позвонил, дверь неохотно отворилась, я назвал себя.

Это была так называемая социальная квартира – слово «социальный» говорит само за себя. Тусклая прихожая, мебель, приобретённая на складе благотворительного общества Caritas, запах вчерашней еды, отверженности, одиночества и гордыни. Старая и облысевшая женщина сидела, вцепившись в ручки кресла, перед телевизором. Меня провели в соседнюю комнату.

«Это ваша мама?»

«Свекровь, – сказала хозяйка. – Альцгеймер».

«Простите?»

«По-русски – слабоумие».

Мы обменялись двумя-тремя фразами. Я прихлёбывал кофе и разглядывал фотографии. Часть из них была снята ещё «там».

Я спросил:

«Давно вы уехали?»

«Скоро двадцать лет».

Она, конечно, сильно изменилась. Что касается Тучина, то на всех снимках он выглядел одинаково. Человек без возраста; малорослый, лысоватый, тщедушный, с непропорционально большой головой. Глаза? Затрудняюсь сказать, что они выражали. Рассеянную сосредоточенность, иначе не скажешь. Глаза, устремлённые в пространство или, что то же самое, внутрь себя. Взгляд человека, погружённого в собственный мир, где он созерцает пустоту. Впрочем, всё это были мои фантазии. А кстати, спросил я, сколько лет было её мужу, когда они решили... когда их заставили...

«Никто нас не заставлял, – сказала она надменно. – Костя к политике не имел никакого отношения. Вообще всё это его не интересовало».

«Что не интересовало?»

«Да всё это диссидентство. У него и друзей-то не было».

«Но ведь он, кажется, прежде чем выехать, печатался за границей».

Она пожала плечами. Что-то такое, в одном журнале. «А в Москве – я имею в виду, в самиздате?» Что-то ходило по рукам; откуда ей знать.

«Почему вас это интересует?» – спросила она.

«Я уже говорил вам. Я собираю материал для...»

Она усмехнулась.

«Вспомнили. Небось пока он был здесь, ни одна душа не интересовалась. Двадцать лет прожили, никто пальцем не пошевелил...»

«Вы правы, — сказал я. — Так было и со старой эмиграцией: спохватились, когда никого уже не осталось в живых. Поэтому я и решил, пока ещё...»

«Пока я жива? Я-то тут при чём?»

«Он был старше вас?»

«Да что вы всё говорите о нём, как о мёртвом!»

Я извинился. Помолчали, потом она проговорила:

«Он думал: вот приедем на Запад, начнут его печатать. На руках будут носить... Кабы не он, никуда бы я не поехала».

На этом, собственно, разговор закончился; выходя из дому, я думал о том, что задавал совсем не те вопросы, которые нужно было задавать. Ничего нового я не узнал. Тучин был не единственным, кто надеялся за границей добиться успеха. А тут ещё предложение, сделанное через туристов — каких-то гостей или эмиссаров, — стать редактором русского журнала, о котором он ничего не знал, кроме того, что там однажды появились его рассказы. Тучин прибыл с женой и матерью, не удостоившись торжественной встречи, на которую втайне рассчитывал. Через полгода редакция закрылась; друзей он не приобрёл, языка не знал, да и не чувствовал охоты учиться; получал пособие; жена моталась по городу, была почтальоном, уборщицей, кельнершей в пивном саду, раздавала душеспасительные брошюры. Тучин сидел дома. Похоже, он не интересовался ничем, кроме своего нескончаемого писания. Как вдруг что-то сдвинулось с места, повеяло гниловатым весенним ветерком. Разнеслись небывалые вести. Тучин решил — опять же подобно многим, — что настал его час. Наконец-то его начнут публиковать на родине. Были какие-то обещания, телефонные звонки, письма, которые он прятал. Были посланы рукописи, на которые, правда, не последовало никакой реакции: то ли не дошли, то ли не понравились. И когда он собственной персоной отправился в Россию, один, без жены, для переговоров, ни у неё, ни у него — по крайней мере, так ей казалось — и мысли не было о том, что он не вернётся.

Представительство нашего отечества всё ещё рассматривает себя как осаждённую врагами крепость: с вами разговаривают через чёрное стекло, и русская речь отнюдь не облегчает общения. Беседа напоминает допрос. Чтобы попасть к начальству, требуется разрешение, на основании которого выписывают пропуск. Мрачная личность обхлопывает вас, надеясь найти оружие.

Всё же кое-каким начаткам цивилизации они научились. Мне предложили сесть. Человек за столом был одет в костюм цвета вишнёвого компота, из кармашка торчал платочек. Я предъявил ходатайство Института славистики и письмо от ПЕН-центра.

«Да, но мы-то тут при чём?»

«Если не ошибаюсь, — сказал я, поспешно пряча в карман всю эту липу, — для оформления визы требуется вызов от учреждения, которое приглашает».

«Либо от родственников».

«У него нет родственников. Приглашение могло быть только от какой-нибудь редакции или издательства».

«Так в чём дело?»

«Я и говорю. Хотелось бы выяснить. К кому он поехал?»

«Послушайте, — сказал консул, — мне не совсем понятно. Если вы потеряли связь с вашим знакомым, напишите в Москву».

«Кому?»

«Это уж ваше дело».

Пауза; видя, что я не собираюсь уходить, он спросил:

«Но ведь он российский гражданин, зачем ему приглашение?»

«Он был лишён гражданства», — сказал я.

«Ага. Ах вот оно что. Так бы сразу и сказали!»

И он прищурил глаз, точно целился. Стоит ли говорить о том, что я отправился в эту контору не без внутреннего сопротивления, даже трепета; вот что значит быть «бывшим».

Вот что значит унести ноги, но оставить на родине свою пленённую тень. Своё дело с грифом «ХВ», хранить вечно. В моё время это расшифровывалось так: Христос воскрес. В некотором смысле канцелярское бессмертие. Теперь я находился на экстерриториальной территории, так это называлось. Другими словами, очутился в стане врага. Как и Тучин, я был бесподданным. Лишённый родины, я числился её изменником. И человек в модном костюме, выдававший себя за дипломата, мог сделать со мной всё что угодно, мог предъявить мне самое абсурдное обвинение. Он уже протягивал руку к селектору.

Сиплым голосом я произнёс:

«У него здесь жена и мать. Жена думает, что он там сошёлся с какой-нибудь женщиной».

Консул развёл руками. «Ну, знаете. Тогда я вообще не понимаю, что вам от нас нужно!»

Он добавил:

«Может быть, тоска по родине?»

«Может быть, — сказал я, несколько оправившись. — Только на Тучина это как-то мало похоже. В том-то и дело. Он уехал, не оставив никаких распоряжений. От него нет никаких вестей. Мог хотя бы позвонить! Мы, его друзья, очень обеспокоены. («Какие друзья?» — подумал я.) Очень вас прошу, господин консул, поручите вашим сотрудникам проверить, обращался ли такой-то за визой и по чьему приглашению. Если не обращался, я свяжусь с полицией».

Я ждал, что он ответит: вот и прекрасно. Пусть вашим другом займётся баварская полиция, а мы займёмся вами. Вместо этого он окинул посетителя ещё раз пристальным взглядом, вздохнул и, нажав на кнопку разговорного аппарата, произнёс несколько слов. Мне было велено позвонить через три недели, что я и сделал.

Один мой приятель утверждает, что литература относится к опасным для жизни профессиям; он считает, что писателям, как на вредном производстве, нужно бесплатно выдавать молоко, а поэтам даже двойную порцию. Мало кому из пишущей братии, по его мнению, удаётся дожить до старости — во всяком случае, в России. Сам он — автор нескольких дюжинных романов и в свои шестьдесят восемь лет пользуется завидным здоровьем.

Тем не менее исследователю надлежит оперировать точными данными. Изучая этот вопрос, я имел случай убедиться в правоте моего друга. Правда, одновременно оказалось, что у представителей других профессий — как, впрочем, и у лиц без определённых занятий — ничуть не меньше шансов заболеть раком, попасть по пьянке под трамвай, наткнуться на нож бандита или быть схваченным тайной полицией.

Просто всё дело в том, что ремесло сочинителя у нас всегда было окружено неким нимбом. Тем ужасней уйти в небытие, ни у кого не вызвав сожалений!

Вообразите человека, который, забыв обо всём на свете, как проклятый, как потерянный, один в четырёх стенах, корпит над своим опусом, шевелит губами, созерцает пустоту, давит в пепельнице окурков за окурком и выстукивает букву за буквой. И так изо дня в день, десять лет, двадцать лет. А потом умирает. И что же? Его рукописи, перевязанные бечёвкой, лежат вместе с кипами старых газет у подъезда в ожидании сборщиков утильсырья, и ветер листает его прозу.

Был ли Константин Тучин, беллетрист и самодеятельный философ, пытавшийся разгадать в своих никому не нужных, никого не интересовавших сочинениях за-

гадку любви и смерти, был ли он незамеченным гением? Или одним из тех маньяков, которых ничто не разубедит в том, что лишь зависть коллег мешает им прославиться? Чтобы ответить на этот вопрос, мне нужны были тексты. Но где они? Единственный раз в русской библиотеке, основанной изгнанниками второго призыва, был устроен авторский вечер, слушателей набралось кот наплакал. Что читал Тучин? Заведующая библиотекой сменилась. Жена не могла, а может, и не хотела сообщить мне что-либо о судьбе тучинского архива; чего доброго, в самом деле выкинула с досады весь этот бумажный сор.

Я считаю своим долгом упомянуть о том, что мне всё же удалось отыскать. Заранее извиняюсь за некоторую смелость моего воображения. Учёный обязан придерживаться фактов. Но кто же откажет себе в удовольствии строить гипотезы? Мне повезло, я откопал старый эмигрантский журнал, один из тех, что именуются братскими могилами. Когда-то Тучин с волнением перелистывал эти страницы: как-никак это была его первая (и последняя) публикация. Цикл рассказов, объединённых общими персонажами и до некоторой степени общим сюжетом.

Действие происходило в наши дни, и сюжет был, надо сказать, самый тривиальный: кто-то кого-то убил. Но с первой же страницы завертелось, затеялось и стало расти нечто неудобопонятное. Читая эту прозу – без абзацев, без диалогов, – я почувствовал головокружение. Автор не мог прийти к окончательному решению. Казалось, он прикидывал, какие возможности может заключать в себе самая примитивная фабула, и примерял одну версию за другой. Классический полицейский роман предполагает однозначный ответ. Другими словами, он основан на вере в истину – единственную и неопровержимую. А тут вам словно старались внушить, что ответа не существует. Персонажи могут вести себя так, могут и по-другому. Одно и то же происшествие может выглядеть по-разному, любая оценка – лишь одна из возможных. Ибо действительность представляет собой ассортимент вероятностей. Скользящее светлое пятно в тёмном поле возможностей – вот что такое пресловутая действительность.

Я подумал, что неуловимая истина жизни, за которой гоняется писатель, есть не что иное, как совокупность версий, ничем иным она быть не может. Мне стало понятно, почему с тех пор Тучин ничего не публиковал. Двадцать лет просидел он в своей комнатёнке, в чужой стране, а каков результат? Фрагменты, пробы, робкие вылазки из крепости наивного реализма в зыбкий вероятностный мир. В некотором роде писание в разные стороны. Повторяю: таковы были мои догадки. Я пошёл дальше, я подумал, что Тучин работал над большой вещью; быть может, он только над ней и работал. Быть может – такое предположение не казалось мне неправдоподобным, – это был единственный, огромный и обречённый остаться незавершённым труд его жизни.

«Что значит пропал? Сегодня пропал, завтра появился. Утром ушёл, вечером пришёл. Знаете, сколько человек за день пропадает в городе? Один сбежал от жены к любовнице. У другого фирма прогорела. Третий решил устроить себе капикулы на Канарских островах. Если мы так будем за каждым гоняться...»

«Нет у него никакой фирмы. Ни о каких Канарских островах не может быть и речи...»

«Как вы сказали, его фамилия?»

«Тучин. Т, У, Ч, И, Н. Теодор, Ульрих, Тина, Зигфрид, Цезарь, Хильда, Инге, Николаус».

«Возраст? Был чем-нибудь болен? Психически? И давно исчез? Что же вы так поздно спохватились! Родственники есть?»

«Есть жена. Мать – инвалид».

«Почему она сама не пришла?»

«Понимаете, его жена думает...»

«Ага, я же вам сказал! Знаете, сколько мужиков каждый день убегает к любовницам? Если мы так будем за каждым...»

«Господи, да нет у него никакой любовницы. Просто он отправился в Россию, а на самом деле...»

«Ах вот оно что; так бы и сказали. Он немец?»

«Нет, русский».

«Я спрашиваю: является ли он немецким подданным?»

«Он эмигрант. Без гражданства. Получил политическое убежище».

«Угу. Давно?»

«Точно не могу сказать. Лет двадцать назад».

«Всё ясно. Потянуло домой, что ж тут удивительного. Только мы-то тут при чём?»

«Видите ли, я был в консульстве...»

«Вот и отлично. Поезжайте сами, там его и найдёте».

«Простите?»

«Я говорю, сами поезжайте в Россию. Там и разыщете вашего друга».

«Да, но вы не дослушали. Я навёл справки в консульстве, и оказалось, что Тучин никакой визы не получал».

«Не получал. Гм. А в американском консульстве вы были?»

«При чём тут американское консульство?»

«Может, в Америку поехал. Ладно, пишите заявление».

«Позвольте спросить: что вы собираетесь предпринять?»

Вахмистр пожал плечами.

«Пошлём наряд по месту жительства. Запросим больницы и приёмники для бродяг. Объявим розыск через Einsatzzentrale. Заполняйте бланк».

Некоторое время спустя произошло одно событие. Жена Тучина позвонила: надо поговорить.

Снова унылая лестница, лысая старуха перед телевизором; я вручил хозяйке цветы и бутылку Божоле.

«Вы уверены, что это был он?»

Она пожала плечами.

«Он шёл вам навстречу?»

Нет, она его видела со спины. Вернее, их: Тучин был не один. В левой руке он нёс под мышкой портфель, она узнала бы его по этому старому, с оборванной ручкой портфелю, даже если бы сомневалась, он ли это. Правой поддерживал даму выше его ростом, в длинном пальто, отороченном снизу дешёвым мехом.

Отодвинули рюмку, тарелку с ломтиками сыра, я расстелил план города.

«Не делайте этого, прошу вас», – сказала она.

«Но надо же хотя бы убедиться!»

«Он жив, здоров, и слава богу. Пусть живёт своей жизнью».

«Разве вас не интересует, что с ним?»

«Не интересуется, – сказала жена Тучина. – Да и где вы его отыщете?»

Резонный вопрос. По её словам, переулочек, куда поспешно свернул Тучин со своей спутницей (почему поспешно? увидел супругу?), был перегорожен строительным забором. Значит, подумал я, она всё-таки пошла следом за ними. «А дальше?» – «Что дальше?» – «Куда они делись, вошли в подъезд?» Она покачала головой, нет там никаких подъездов. Вынырнув из небытия, Тучин – если это был он – снова пропал, точно провалился сквозь землю.

Так я оказался в малоподходящей для меня роли частного детектива. Как Герману всюду мерещились три карты, так и мне каждый мужчина невысокого роста с толстым портфелем казался тем, кого я искал: он листал книжки на лотке перед букинистическим магазином, я делал вид, что интересуюсь витриной; он за-

ходил в пивную, и я туда же, садился в сторонку и вынимал фотокарточку. Я искал человека, чей взгляд был устремлён в пустоту, другими словами, внутрь себя. Я надеялся встретить беглого мужа там, где его обнаружила брошенная жена; возможно, он скрывался где-то поблизости. Хорошо ещё, что моя работа оставляет мне много свободного времени. (Забыл представить. Лектор издательства, где всё ещё не утратили интереса к русским авторам).

Было совершенно ясно, что ничего из этой затеи не выйдет. Попробуйте найти человека в большом городе – не говоря уже о том, что жена могла ошибиться. Но я ничего не мог с собой поделать. Призрак Тучина манил меня издалека.

Город способен раздвигать пространство. Вы все знаете Альтхаузен, в этом районе одно время и я проживал. Взгляните на план города, отыщите треугольник улиц, расходящихся от площади принцессы Анны-Амалии, по которому я водил пальцем, слушая объяснения жены Тучина, – кажется, заблудиться здесь невозможно. Но это только так кажется. Поезжайте туда, вы найдёте улочку или, верней, закоулок, перегороженный строительным забором. Раздвиньте доски.

Прежде всего: никакой стройки за забором не оказалось. Возможно, весь квартал предназначался на снос. Я пролез через щель в заборе и очутился в лабиринте, о котором даже не подозревал. Поистине город удесятряет пространство, и там, где двести лет тому назад пастух лежал на склоне холма, там непостижимым образом поместились, сгрудились все эти дома, дворы, переулки, чахлые садики, пристройки, брандмауэры и тупики. Там сплелись сотни судеб. В мансардах и полуподвалах приютилась любовь, клоочет ревность, тлеет вожделение; за тёмными окнами прячется одиночество, играет музыка, пишутся романы, затеваются интриги, храпят пьяницы и ждут смерти старухи.

Вот о чём стоило бы написать: о гипнозе старых кварталов, о чувстве зыбкой, ненадёжной действительности, которое охватывает вас в этих труппах. Две недели, с утра до темноты, я дежурил на углу проклятого безымянного переулка. Случалось ли вам убедить себя в том, что вера сдвинет горы и надежда будет вознаграждена? И вот он появился. Он ли? Низкорослый неряшливый человек с разбухшим портфелем прошагал и исчез за забором. Отодвинув доску, я успел заметить, что она направляется к ближайшей подворотне; несколько мгновений спустя его шляпка мелькала позади мусорных контейнеров. После чего, о проклятье, я потерял его из виду.

Он не мог уйти далеко; если бы он пересёк двор, я бы его заметил. Значит, он остался во дворе и вошёл в один из четырёх подъездов, которые даже нельзя было назвать подъездами; скорее то, что в России называлось чёрный ход. Туда он и юркнул; в который из четырёх? Внутри было холодно, пахло плесенью. Я услышал шаги. Тучин – если это был он – медленно поднимался по лестнице. В скудно освещённом пролёте, за прутьями перил я видел его руку, держащую под мышкой портфель, и обтрёпанные отвороты брюк. Дойдя до последнего этажа, он остановился. Вероятно, доставал ключ.

Очередная моя гипотеза состояла в следующем: Тучин перебрался в другую часть города в надежде довести до конца свой огромный роман, сбежал от жены, устав от её упреков. Симулировал отъезд в Россию, чтобы никто его не искал. Что касается дамы, с которой он будто бы шёл под ручку, то этот пункт, на мой взгляд, был несущественным, женщина могла быть случайной знакомой, предположение об интрижке не вязалось с моим представлением о Тучине.

Итак, я дал себе слово продолжать розыск, ибо в тот раз, как вы догадываетесь, у меня ничего не вышло: добравшись до верхней площадки с единственной находившейся там дверью, за которой, казалось, никто не жил, – ни кнопки звонка, ни таблички с именем, – я долго стучался, прислушивался и не мог уловить ни единого звука. Что бы это могло значить? Заперся ли он с твёрдым намерением

никого не пускать или сбежал через какой-нибудь потайной ход? Я уже ничему не удивлялся.

Вечером я снова принялся за его рассказы; ничего другого я больше не мог читать, и ничего другого, кроме старого эмигрантского журнала, у меня не было. Мне было ясно, почему Тучин, даже если бы сейчас в России нашлись охотники опубликовать его прозу, был обречён на неуспех: события последних лет прошли мимо него, вдобавок, как уже сказано, стиль Тучина предъявлял немалые требования к читателю. Длинные ветвящиеся периоды вновь погрузили меня в состояние, близкое к наркотическому опьянению, — право, я не могу выразиться иначе. И опять это впечатление зыбкой, ненадёжной реальности. История, сама по себе несложная, прокручивалась на разные лады, и оставалось только гадать, были ли это варианты одного и того же замысла или замысел состоял в том, чтобы утопить истину в трясине гипотез. На другой день я двинулся в Альтхаузен.

Кто-то прибил доску, забор оказался непроходим. Пришлось идти вокруг. В результате я окончательно заблудился. Странно сказать, я как будто вновь оказался в мире прозы Константина Тучина. Все дворы были на одно лицо. Не у кого было спросить, да я и сам не знал, какой номер дома мне нужен. Кажется, в этих дебрях вообще не существовало нумерации.

Навстречу шёл пожилой господин с палкой, я попытался заговорить с ним, он промычал что-то. Он был глухонемой.

В конце концов мне пришлось убедиться (это часто бывает), что я кружил вокруг одного места. Из чёрного хода вышла женщина. Я был уверен, что это тот самый подъезд. Я сделал несколько шагов по ступенькам, как вдруг меня словно стукнуло: пальто! Длинное пальто, отороченное мехом. Я выскочил во двор. Она шагала к воротам.

Тут я остановился. Громадными прыжками помчался по лестнице, через несколько мгновений был уже наверху и, задыхаясь, трижды медленно и отчётливо ударил костяшками пальцев в дверь. Никакого ответа; я слышал только своё тяжелое дыхание. Стукнул кулаком. Гробовая тишина стояла во всём доме, мне почудился слабый звук, похожий на клокотание жидкости, за дверью как будто шаркнули шаги. Конечно, это был обманный манёвр, очередная уловка неуловимого Тучина, он знал, что за ним следят, и умел скрываться, все мы в своё время прошли эту школу! Я поглядел вниз через перила — никого нет — и извлёк из кармана общеизвестный инструмент. Операция не потребовала усилий: нажав, я легко продавил иссохшее дерево. Хрустнул старый замок, дверь открылась.

Там был тёмный коридор и дверь в комнату. Как я и предполагал, это был рабочий кабинет писателя. Грубый стол, заваленный манускриптами, начатый лист вставлен в машинку. Клокотала вода в кофеварке. Хозяин лежал на полу.

Можно не сомневаться, что обер-инспектор Деррик, известный и уважаемый в нашем городе криминалист, отыщет истину — хотя бы потому, что верит, в отличие от покойного Тучина, в существование единой и единственной истины. Кажется, в преступлении подозревается жена писателя. Мотивы убийства налицо: ревность, разочарование, месть за исковерканную жизнь.

На допросе, которому ваш слуга был подвергнут в качестве свидетеля, первого, кто обнаружил труп, было, естественно, обращено сугубое внимание на особу, которая встретилась мне в подъезде. Не потому ли она так стремительно прошла мимо, что узнала меня? Мне показали старую фотографию, одну из тех, которые я видел во время моего первого визита на квартиру в Новом Перлахе: Тучин с женой, на ней длинное расклёшенное и обшитое снизу мехом пальто. Такие одеяния носили лет двадцать тому назад. Я возразил, что если бы убийцей была жена Тучина, она не говорила бы мне о том, что на женщине, которую она увидела на улице с Тучиным, было такое же пальто. Похоже, что они не нашли убедитель-

тельным этот аргумент; может, как раз наоборот. Впрочем, я просто не успел как следует разглядеть незнакомку.

Вернее, я разглядел её. Скажу больше: я её узнал. К сожалению, я не могу объяснить полицейскому инспектору то, чему научился у Тучина: что истина – это лишь совокупность версий. *Мою версию* ни одна полиция в мире, конечно, не примет всерьёз.

Рукописи Тучина – всё, что было обнаружено в комнате, его неоконченный и, добавлю, обречённый остаться неоконченным труд, – конфискованы полицией. Поэтому я не могу ссылаться на тексты, которые подтвердили бы мою точку зрения. Я уверен, что я прав. Как историк литературы я понимаю роковую власть, которую обретает мир романа над жизнью сочинителя. Эмма – это я, сказал (или якобы сказал) создатель «Госпожи Бовари». Это хроника моей души, полное собрание моих надежд, иллюзий и разочарований. Ему следовало бы добавить, что отныне он сам – в плену у тех, кого он сотворил.

Константин Тучин – запомните это имя! Я решаюсь заключить этот отчёт выводом, который для вас, быть может, неожидан, для меня – ни в коей мере. Тот, чья жизнь была очевидным поражением, ушёл из неё победителем. Он достиг пределов того, о чём может мечтать художник, он вдохнул жизнь в своих героев и героинь до такой степени, что одна из них вмешалась в его собственную жизнь. Вот почему бесполезно искать незнакомку за пределами того мира, откуда она пришла. Сделав своё дело, она вернулась в призрачный мир слов. Тучина умервила его подруга – но не та, которую я посетил, которая сидит теперь под арестом, а та, которая жила в его книге.

Повторяю, такова моя версия.

Соблазн детективного сюжета

Послесловие автора

Борхес (в беседе с Освальдо Феррари) защищал детективный жанр, говоря, что в любом роде литературы наворочено достаточно много пошлятины. С этим аргументом нельзя согласиться, так как даже очень плохие романы по большей части всё же принадлежат литературе. Тогда как преобладающая часть криминальной продукции, по крайней мере в России, оказывается ниже минимально допустимого уровня. Как если бы сочинителю крими сказали: хочешь пробиться на рынке, пиши как можно хуже, иначе тебя не будут читать; такой уж, дескать, у нас потребитель.

Как бы то ни было, и Борхес, написавший несколько превосходных детективных рассказов, и Честертон, и Сименон, и Рекс Стаут сумели защитить уже в их время весьма потрёпанную честь жанра. Могут, конечно, возразить, что эти писатели погрешили против главного правила: хороший слог и стиль противопоказаны детективу. Соревноваться с классиками невозможно, однако трудно удержаться от искушения попробовать самому. Вдобавок, как я полагаю, подобное упражнение может кое-чему научить писателя.

Первый урок состоит в том, что если всякая литература есть в немалой степени ремесло, то криминальный жанр требует особой выучки. Тут приходится учиться тому, от чего, кажется, прискорбным образом отвыкла русская словесность: выверенной композиции, трезвой логике, сжатости и энергии повествования. Второе – это то, что можно называть философией детектива. Это философия единой и непреложной действительности, другими словами – вера в истину.

Дело в том, что при всей своей кажущейся модерности детектив – архаический жанр, и в этом, может быть, состоит его прелесть. После грандиозной литературной революции, начало которой, по-видимому, положил Достоевский, вера в истинную действительность, которую заново открывает романист, подорвана. Современный роман

– это роман версий. Ибо действительность зыбка, ненадёжна и не равна самой себе. Детектив возвращает нас на твёрдую почву. В детективном романе существует презумпция истины. Истина существует, и притом только одна. Герой этого романа, гениальный сыщик, верит в истину, ищет её и находит.

Отсюда, между прочим, следует, что автору детективного повествования, если он хочет быть «на уровне», не остаётся ничего другого, как пародировать классиков жанра. Ему приходится притворяться серьёзным, хотя на самом деле, говоря всерьёз, – он сугубо несерьёзен.

Мы не упомянули о главном уроке. Детективный жанр учит умению поддерживать от начала до конца интерес читателя. Все жанры хороши, сказал Буало, кроме скучного.

Борис Хазанов